

DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-1-680

EDN: YUUBVG

УДК 159.99:316.61

Научная статья | Общая психология, психология личности, история психологии

КЛАССИФИКАЦИЯ СИТУАЦИЙ НАСИЛЬСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: КРИТЕРИИ РЕГУЛЯРНОСТИ И НАБЛЮДАЕМОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ

А.И. Чулошников

Аннотация

Обоснование. В настоящий момент в публикациях, посвященных изучению насилия, наблюдаются трудности в разработке единых оснований, классифицирующих его феноменологию. В частности это касается стратегий его осуществления, обстоятельств, отношений в которых оно происходит. С одной стороны, можно выделить классификации инструментов/форм насилия, с другой – классификации типов ситуаций, где каждая обнаруживает как проблемные зоны, так и точки концептуального роста.

Цель. Целью работы является проблематизация существующих классификаций насилия и разработка на этих основаниях частного варианта классификации насилия – классификации ситуаций насилия.

Методология. Выделение оснований классификации осуществлялось на материале публикаций, предметная область которых прямо или косвенно была связана с классификацией феноменов насилия.

Результаты. Данные классификации можно представить как своеобразные взаимодополняющие друг друга оси, где одна соотносится с конкретными формами воздействия (тактическая сторона), а другая – с организацией их в конкретных условиях (стратегическая сторона). Дополнительным основанием классификации форм насилия может выступать преследуемый эффект – десубъективация объекта насилия, в определенной степени определяющий инструментальную и орга-

низационную его сторону. На данных основаниях сконструирована гипотетическая координатная сетка, позволяющая описать различные ситуации насилия в рамках ограниченного количества кластеров, группирующих ситуации воздействия по параметрам регулярности (ситуативное, периодически осуществляемое и регулярное) и условной интенсивности воздействия (слабая, средняя и высокая).

Выводы. Сконструированная модель при всей ее условности не только позволяет компактизировать многообразие ситуаций насилия, но и исходя из выделенных оснований идентифицировать или представить таковые. В частности, в ее рамках можно представить различные варианты использования информационного воздействия, а также гибридные формы насилия.

Ключевые слова: насилие; психологическое насилие; абьюз; буллинг; классификация насилия

Для цитирования. Чулошников, А. И. (2025). Классификация ситуаций насильственного взаимодействия: критерии регулярности и наблюдаемой интенсивности воздействия. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(1), 446–467. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-1-680>

Original article | General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

CLASSIFICATION OF VIOLENT INTERACTION SITUATIONS: CRITERIA FOR REGULARITY AND OBSERVED INTENSITY OF IMPACT

A.I. Chuloshnikov

Abstract

Background. Currently, there are difficulties in developing a unified basis for categorizing phenomenology in studies that examine abuse. In particular, it refers to the ways of its implementation, strategies and relational options within which abuse is performed. On the one hand, classifications of instruments/forms of abuse can be identified, and on the other hand, clas-

sifications of types of situations, where each reveals both problem areas as well as areas of conceptual growth.

Aim. The paper aims to problematize the existing classifications of violence and develop on these grounds a special variant of the classification of violence – the classification of situations of violence.

Methodology. The basis of the classification was chosen by analyzing publications, the subject area of which was directly or indirectly related to the classification of abuse phenomena.

Results. These classifications can be presented as complementary axes, with one relating to specific forms of impact (the tactical side) and the other to their implementation in specific contexts (the strategic side). An additional basis for categorizing the implementation of abuse may be the pursued effect – desubjectivization of a victim, which to a certain extent sets the instrumental and organizational aspects. On these bases, a hypothetical coordinate grid is constructed that allows describing different situations of abuse within a limited number of clusters, grouping them according to the parameters of regularity (situational, periodic and regular) and impact intensity (weak, medium and high).

Conclusions. The constructed model, despite its conventionality, not only allows to compress the diversity of situations of abuse, but also to identify such situations, based on the selected grounds. In particular, it can present various uses of informational impact as well as some hybrid forms of abuse.

Keywords: abuse; psychological abuse; bullying; classification of abuse

For citation. Chuloshnikov, A. I. (2025). Classification of violent interaction situations: criteria for regularity and observed intensity of impact. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(1), 446–467. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-1-680>

Введение

В настоящее время в научной литературе, посвященной проблематике насилия, наблюдается плюрализм в вопросе критериев классификации проявлений насилия [12; 17; 22; 25]. С одной стороны, можно видеть деление насилия на такие абстрактные формы как физическое, психологическое, эмоциональное [3; 8; 18]. С дру-

гой – все чаще предметом исследования становятся смешанные, комплексные формы насилия, такие как буллинг, моббинг, травля, жестокое обращение, притеснение, газлайтинг, абьюзинг и т. д. [3; 21; 23]. Первая классификация группирует насилие исходя из применяемых инструментов и мишеней насильственных интервенций. Второй вариант классификации эклектичен в плане оснований и в большей степени представляет конкретные типы стратегий насильственного воздействия в зависимости от тех задач и условий, которые ставит субъект насилия.

У каждого варианта классификаций есть как плюсы, так и “слепые зоны”. В “инструментальной” классификации такими зонами являются поиск оснований для дифференциации феноменов физического и нефизического насилия [12; 14; 20], дифференциация содержания каждой группы [26; 27; 28].

Классификация типов, в свою очередь, потенциально громоздка и в большей степени представляет собой коллекционирование без какой-либо существенной группировки, тем самым снижая свой объяснительный потенциал. А существенная гетерогенность и вариативность оснований, таких как социально-демографические характеристики участников, социальные ситуации/отношения и длительность взаимодействия дают потенциал для бесконечного преумножения этих типов.

Таким образом, актуальные классификации демонстрируют некоторые ограничения в плане решения таких вопросов как идентификация, анализ и группировка всего спектра проявлений феномена насилия.

Целью данной работы является разработка варианта более частной классификации ситуаций, в которых осуществляется насилие. *Задачами* является: а) проблематизация существующих классификаций феноменов насилия и экспликация их оснований; б) формулировка иных оснований для классификации.

Основным материалом выступают публикации, прямо или косвенно посвященные вопросу классификации того, что можно назвать феноменологией насильственного воздействия.

Гипотеза: на базе существующих классификаций феноменов насилия возможно построение компактной системы, позволяющей вместить и упорядочить внутри себя подавляющее их большинство.

Проблемы классификаций феноменов насилия

В первую очередь мы бы хотели обозначить на данный момент рабочее определение насилия, которое будет в дальнейшем задавать “фрейм” нашей работы. *Насилие – вид неравноценного социально-го обмена* (т.е. акт социальной эксплуатации), *выраженный в действии или деятельности, направленной на достижение состояния десубъективированности объекта насилия* (т.е. состояния, в котором волевые функции индивида нивелированы), *в первую очередь посредством нарушения у него переживания безопасности и осуществления против его воли*. В данном определении мы умышленно исключили один важный момент – насилие часто обозначают еще и как неконвенциональное воздействие на другого человека, т.е. оцениваемое как не правовое. Однако мы допускаем, что далеко не каждое действие или деятельность, обладающее десубъективирующим эффектом, посредством причинения страданий может быть со стопроцентной точностью идентифицировано как противоправное. Этим объясняется наше решение не ограничивать определение насилия этим моментом.

Рассмотрим более подробно преимущества и проблемные зоны инструментальных и типологических классификаций насилия.

Проблемы инструментальных классификаций. Первой проблемой данного формата классификации можно назвать дискуссию относительно оснований разделения насилия на физическое и нефизическое (далее – психологическое). В качестве таких критериев рассматриваются инструменты воздействия (информационные или физические) [12; 14] и мишени воздействия, т.е. фактор, обеспечивающий реализацию субъектных функций объекта насилия [10; 30].

Так, если в вопросе разделения физического и психологического насилия мы, в качестве основного принимаем форму воздействия, то мы будем вынуждены исключить разнообразные способы оказания

психологического давления посредством физиологических воздействий (физические и химические способы доведения до диссоциативных состояний) [9]. Примером тому может быть длительная пытка каплями воды, ведущая к психическим изменениям разной степени стойкости.

Если же мы опираемся на критерий мишеней, то мы вынуждены признать, что помимо инструментов воздействия важную роль играет и организация этого воздействия, а именно его регулярность [3]. Так, физическое насилие ассоциируется в большей степени с ситуативным воздействием, а психологическое – с длительным, растянутым по времени. И тут возникает вопрос о том, может ли психологическое насилие быть краткосрочным?

Существуют также и примеры промежуточных форм насилия, таких как угрозы физического насилия, которые являются ничем иным как воздействием на психику, приводящим к психическим изменениям той или иной степени устойчивости [1; 25].

Второй проблемой данных классификаций является то, что группа психологического насилия представлена довольно неоднородными феноменами.

В первую очередь это выражается в различиях формы, ясности и внешне воспринимаемой деструктивности психологического воздействия [7; 29]. Психологическое воздействие может быть выражено как в явно деструктивной форме, такой как унижения, необоснованная критика, угроза, так и в неявной, полу-манипулятивной форме, за которой довольно сложно опознать степень деструктивности воздействия. Подобные “тонкие формы” [25; 28] воздействия могут осуществляться на протяжении длительного времени, оставаясь незамеченными, и иметь потенциально иной эффект, нежели прямые формы.

Во вторую очередь мы имеем в виду примеры “комбинированных” или промежуточных форм физического и психологического воздействия, которые не укладываются в обозначенные терминологические рамки инструментальных классификаций.

Обобщая сказанное, можно отметить, что даже в инструментальных классификациях, разделяющее насилие по форме воздействия

(физическая или информационная) имплицитно присутствует дополнительный аспект, связанный со стратегией воздействия и с ожидаемым результатом, в некоторой степени определяющим эту стратегию.

Типологические классификации. При рассмотрении типологических классификаций можно отметить следующие плюсы и минусы данной формы группировки. В качестве единиц анализа в них берется некоторый тип ситуаций/отношений, в которых насилие может происходить, или даже конкретный кейс.

В качестве ведущих критериев классифицирования насилия могут рассматриваться характеристики ее участников, их социальные роли (родители/дети, партнеры, начальник/подчиненный) [2; 5; 15], характер их отношений (зависимы или независимы друг от друга), пол/гендер, условия и причины насильственного взаимодействия [21] регулярность и конкретные формы насильственного воздействия [23; 29]. Таким образом, происходит многомерный анализ процесса осуществления насилия.

Проблема данных типологий на данный момент видится, в противовес инструментальным классификациям, в склонности к коллекционированию и “размножению” типов описываемых ситуаций, т. е. конкретизации, снижению аналитических функций данного подхода. В то же время ранжирование и группировка оснований могла бы выделить наиболее существенные оси для продуктивного “дименсионального” анализа самых разнообразных кейсов и гипотетически возможных ситуаций насилия. Такими основаниями, к примеру, могли бы стать тип отношений между участниками насилия (горизонтальные/вертикальные или добровольные/зависимые) и регулярность взаимодействия между участниками (по типологии J. Gultuntg) [24], которые уже можно представить в виде ограниченного набора *стратегий*.

Десубъективация как результирующая сторона насилия

Еще одним основанием, структурирующим варианты осуществления насилия, может выступать результат насильственной активности, полагаемый субъектом насилия или фактически достигнутый.

Им в наиболее общем виде выступает такое состояние объекта, в котором он не мог бы в полной мере реализовать свои функции как субъекта [7; 13; 19]. Такой продукт можно обозначить как переживание объектом насилия десубъективированности, достигаемой различными способами в разных обстоятельствах.

Эти функции конкретизируются в виде пассивной или активной волевой регуляции, т. е. способности к самоорганизации для последовательной реализации субъектом выбранной им линии поведения либо к сопротивлению влиянию (на поведение или когнитивно-аффективное содержание психики), оказываемому извне, не согласующемуся с его потребностями, ценностями. Субъектность как характеристика личности (представленная в трудах А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, Л. И. Анцыферовой, Е. А. Волковой др.) может характеризоваться определенными качествами переживания собственной деятельности, такими как активность (проактивность), авторство собственных действий и ее смыслов, свобода выбора (действия, отношения), самостоятельность/автономность, мотивационная целостность (согласованность действий и мотивов) и т. д. [16].

Насильственная деятельность применительно к этому заключается в ингибировании, подавлении или деформации факторов, оказывающих влияние на реализацию данных функций. То есть мишенями насилия выступает все, от чего зависит способность реализовывать субъектность. В рамках инструментальных классификаций данные факторы можно условно разделить как на соматические и психические, так и на оказывающие ситуативное воздействие или стабильно присутствующие. Далее мы рассмотрим то, как данное состояние можно квантифицировать.

В соответствии с инструментальными классификациями можно выделить физические и психические факторы субъектности.

Физические факторы субъектности. Группу физических факторов можно дополнительно разделить на блокирование физической активности (обездвиживание, блокирование действий) и подавление соматических ресурсов (доведение организма объекта наси-

лия до разной степени нефункционального состояния). Последняя группа во многих случаях связана с индукцией болевых и “около-болевых” переживаний, дезорганизирующих уже психическую регуляцию [4; 8; 13].

Так, в сущности можно говорить о весьма условном разделении ресурсов физической и психической регуляции, являющихся разными сторонами одной медали [1]. Т. е. продолжительные физические ограничения или переживание боли могут оказывать влияние как на актуальное эмоциональное состояние - дезинтегрировать ситуативную произвольную регуляцию, так и в перспективе формировать (деформировать) такие психические свойства, как снижение самоэффективности, возвращать чувство беспомощности.

Психические факторы субъектности и их деформация. Что же можно считать психическими факторами, обеспечивающими реализацию субъектных функций, и как может выглядеть их деформация/дезинтеграция?

Если рассматривать психику как информационно-регуляторный процесс (Л. В. Веккер, В. А. Ганзен), результатом которого является построение образа актуальной ситуации и впоследствии – картины мира, то мы можем предположить его как мишень такого информационного воздействия. Воздействию информационными инструментами должна подвергаться либо актуальная способность ориентироваться и *целенаправленно* действовать в ситуации, либо нечто более стабильное – картина мира и образ субъекта в ней.

В первом случае можно предположить, что, ситуативно, способность к ориентировочной активности могут нарушать такие воздействия, которые бы приводили к индукции высокоинтенсивных эмоций. Предположительно это может быть информация, связанная удовлетворением значимых для индивида потребностей (витальные потребности или личностно конституирующие ценности: причинение интенсивной боли; угроза близким, будущему, жизни; притыжение, критика, обесценивание) [7; 8; 17]. Иными словами, это может быть воздействие нарушающее или связанное с актуальным переживанием безопасности.

Вторым вариантом дезорганизации является глобальное реформирование или деформирование более-менее динамичных, изменчивых свойств психики, таких как *отношения, картина мира, Я-концепция* [3; 6; 10; 11], путем оказания уже регулярного воздействия. Данные свойства обеспечивают “потенциал субъектности”, отвечают на вопросы: “*Возможна ли регуляция в принципе?*”, “*Могу ли я и есть ли у меня силы/право/возможности что-либо регулировать в этом мире?*”.

Уровни десубъективированности и способы их достижения. Таким образом, можно говорить о том, что воздействие на субъектные функции может характеризоваться разной степенью: ситуативного воздействия на способность к психическому регулированию и стабильному, реформирующему психические свойства.

Исходя из подобной группировки инструментов/мишеней насилия, более оптимальной представляется группировка форм насилия по производимому ими эффекту: а) ситуативная, “локальная” десубъективация; б) стойкая, стабильная, связанная с деформацией психических свойств.

Модель структурирования ситуаций насилия

Можно построить следующую координатную плоскость, позволяющую совместить “тактическую” и “стратегическую” стороны реализации насильственного воздействия. Она представляет собой стандартную двухосевую координатную сетку. Вертикальная ось обозначает своеобразную временную организацию осуществления насилия. Горизонтальная ось описывает шкалу внешне “интенсивности” воздействия в конкретный момент времени, какой бы она могла казаться внешнему наблюдателю (“шкала очевидной деструктивности воздействия”).

Помимо этого, в координатную сетку включены еще два элемента, отражающие субъективное измерение насилия (со стороны объекта насилия): а) линия, отражающая субъективную интенсивность воздействия, как производная от интенсивности и регулярности воздействия; б) гипотетические зоны, отражающие ожидаемую вероятность и глубину состояния десубъективированности.

Рассмотрим более детально каждую ось.

Тактическая ось: виды воздействия и их эффекты. В основу деления данной оси на интервалы было положено допущение о том, что различные формы насильственных действий (информационные и неинформационные) могут иметь различный потенциал воздействия: фрустрирующий и принуждающий эффект, который мог бы оценить внешний наблюдатель, наблюдая каждый акт впервые (т. е. без учета истории этих воздействий и их индивидуального значения для объекта насилия).

Было произведено условное шкалирование двух основных групп инструментов воздействия на факторы субъектности: физическое и психологическое (информационное, опосредованное знаково-символическими системами) [12]. Мы опирались на следующие теоретические предпосылки, раскрывающие особенности данных инструментов.

Физическое воздействие характеризуется: а) непосредственностью (т. е. практически не требует знания того, как организован субъективный мир объекта насилия для воздействия на него); б) принудительностью (т. е. данное воздействие практически невозможно игнорировать); в) явностью (т. е. оно с большей вероятностью будет восприниматься как воздействие, как нечто насильственное) [29]. Также создание физической угрозы с большей вероятностью будет очевидным для наблюдателя, нежели трансляция субъектом насилия сигнала о ней.

Информационное/психологическое воздействие в то же время будет характеризоваться: а) опосредованностью (воздействие осуществляется через значимые элементы субъективного мира объекта насилия, которые с меньшей вероятностью могут быть идентифицированы субъектом насилия в рамках единичного, ситуативного взаимодействия); б) меньшей степенью принудительности (с большей вероятностью данное воздействие может быть игнорировано); в) меньшей явностью (т. е. возможностью использования непрямых, неявных интервенций и потому с меньшей вероятностью может быть идентифицировано как воздействие, насилие) (там же).

Исходя из этого, мы с определенной степенью условности можем составить трехуровневую шкалу, где первый уровень будет соответствовать низкой степени интенсивности воздействия, не воспринимаемой как небезопасная, либо находящейся на границе этого порога. Второй уровень – средней, уже воспринимаемой как насильственное воздействие, но лишь с некоторой вероятностью приводящему к состоянию десубъективированности. И третьей – высокой, соответствующей явно насильственному, деструктивному воздействию.

В соответствии с этими уровнями мы распределили ситуативный “потенциал” физических и нефизических (информационных) инструментов воздействия.

Стратегическая ось: регулярность. Данная ось отражает формат взаимодействия, проявляющийся в регулярности воздействия, а также условиях, в которых возможна та или иная ее степень. Мы исходим из того, что различные отношения, складывающиеся между людьми, задают определенные условия того, как гипотетически могло бы осуществляться насильственное взаимодействие между ними – насколько регулярным могло бы оно быть и каковы были бы границы допустимого.

При условно добровольном взаимодействии людей, построенном на “контракте” комфорта, совместных целей и безопасности, толерантность к явно небезопасным действиям партнера будет минимальной (партнерско-супружеские, дружеские, наставнические отношения). И потому допустимыми могут быть лишь воздействия минимально болезненные, т. е. как минимум не нарушающие общее переживание безопасности в данный момент (условно “низкоинтенсивные”).

В недобровольных, зависимых отношениях, таких как детско-родительские отношения, отношения в учебном классе, отношения сослуживцев/сокамерников/пленных границы допустимого могут быть в разной степени толерантны к явной деструктивности воздействия.

Мы решили шкалировать данную ось по параметру регулярности взаимодействия: ситуативное, периодическое и регулярное. При этом степень регулярности ограничена или же наоборот предпола-

гается форматом отношений, складывающихся между субъектом и объектом насилия.

Связь регулярности и субъективной интенсивности психологического насилия. Исходя из обозначенного выше, мы предполагаем, что регулярность психологического (информационного) воздействия может вести: а) к постепенному возрастанию уязвимости к фрустрации (за счет кумуляции и повышения адресности – более точному учету “больных точек” или их созданию) при той же явной интенсивности воздействия; б) к возможности реализации более сложных, комплексных и потенциально нераспознаваемых внешним наблюдателем насильственных действий.

В то же время, в ответ на резонный вопрос о возможности развития реакции *габитуации/адаптации*, в как противоположной сенсификации мы можем предложить ряд аргументов. Во-первых, габитуация будет развиваться при продолжительном и гомогенном воздействии, а не при частом и гетерогенном, которое с большей вероятностью может привести состоянию эмоциональной истощенности. Во-вторых, психологическое насилие – это сложный и опосредованный процесс трансформации отношения, приводящий к страданию, механизм которого сложно свести к элементарному перцептивному или эмоциональному привыканию.

Модель структурирования ситуаций насилия

Как уже было отмечено, помимо двух основных осей (тактической и стратегической) на координатной плоскости (Рис. 1) обозначены зоны, отражающие потенциальный продукт насилия в виде состояния десубъективированности – степень вероятности ее наступления и глубины. Зоны делятся на три уровня: отсутствие состояния десубъективированности у объекта насилия; наличие вероятной, неглубокого состояния десубъективированности; высоковероятное, глубокое состояние десубъективированности.

Границы зон десубъективированности могут соотноситься с “осью интенсивности” и “регулярности” лишь отчасти, в конкретных случаях сдвигаясь. Данные интервалы не отражают строго вы-

веренную математическую тенденцию, но скорее иллюстрируют идеи, обозначенные ранее. Первая идея состоит в том, что при регулярном воздействии субъективная уязвимость объекта насилия к состоянию эмоциональной дезинтегрированности может расти, при той же внешне наблюдаемой интенсивности воздействия. А, следовательно, регулярное воздействие внешне незначительных насильственных актов может постепенно вести к высокой вероятности наступления состояния десубъективированности. Вторая идея, при наличии существенных оговорок, состоит в том, что единичное воздействие, каким бы болезненным оно ни было, вряд ли может привести к стойкому изменению картины мира, отношения к себе и другим людям, обеспечивающего реализацию субъектных функций.

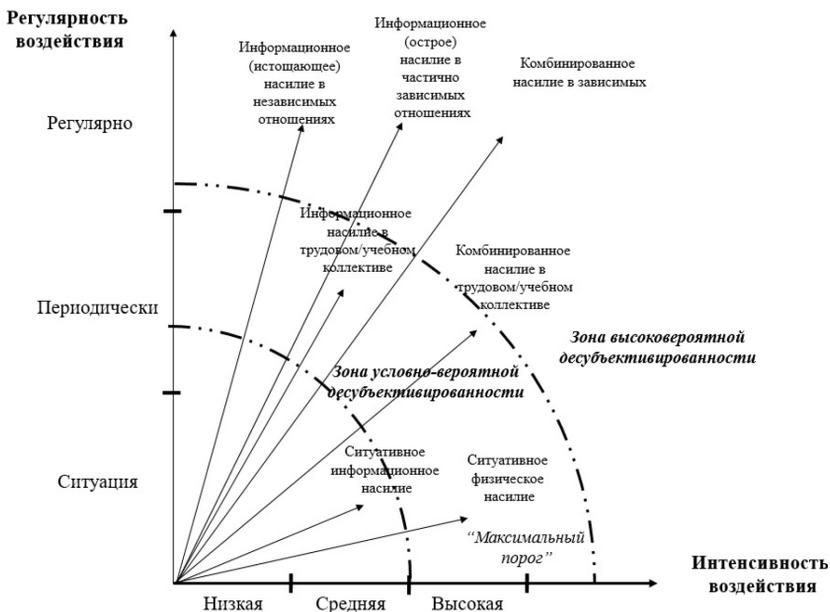

Рис. 1. Модель структурирования ситуаций насилия

Данный график также иллюстрирует идею того, что физические способы воздействия могут иметь больший потенциал индукции болевых и других дезорганизующих переживаний без какой-либо

подготовительного периода. В свою очередь десубъективирующий потенциал психологических инструментов воздействия может возрастать в зависимости от времени/регулярности воздействия при его относительно не явной опасности, заметности для внешнего наблюдателя.

Таким образом, график позволяет отразить *три группы ситуаций насилия*.

Первая группа – ситуативное физическое и психологическое насилие, лишь с некоторой вероятностью приводящее к неглубокому состоянию десубъективированности. Эту группу можно скорее квалифицировать как *насильственные действия*.

Вторая группа – длительное, регулярное психологическое воздействие, реализуемое скрытым или частично скрытым образом (в том числе путем постепенного изменения порога психологического дискомфорта/боли) ведущее к достоверно вероятному состоянию десубъективированности разной степени глубины. Необходимость “симуляции безопасности” для объекта насилия отчасти делает данный вид насилия сходным с *манипулятивной деятельностью* и потому его можно также называть “гибридным насилием”. Также данная группа уже может быть названа *насильственной деятельностью* ввиду ее регулярности, систематичности и необходимой проактивности, что требует наличия внутренних устойчивых мотивационных образований.

Третья группа – это комбинированное насилие разной степени длительности и интенсивности, осуществляемое в обстоятельствах, ограничивающих объект насилия, и потенциально ведущее к высоко вероятному и глубокому состоянию десубъективированности.

Гипотетически, данные группы могут трансформироваться т. е. одна может перетекать в другую. Этому может способствовать как возможность “привыкания” ко все большему уровню психологического дискомфорта, так и постепенно углубляющееся и стабилизирующееся состояние десубъективированности. Так, со временем, даже ситуация равного партнерства может реорганизоваться в ситуацию невольных отношений, при которых, помимо психологиче-

ских факторов субъектности, могут быть нивелированы и остальные (финансовые, социальные).

Разумеется, мы осознаем, что и акты физического и психологического воздействия весьма сложно однозначно распределить по шкале интенсивности, как в виду их гетерогенности, так и в виду других факторов, таких как степень эмоциональной, финансовой зависимости участников насильственного взаимодействия, культурный контекст.

Выводы

1. Представленные основания позволяют компактизировать и ограничить все многообразие частных форм проявления насилия в рамках нескольких кластеров, а также предвосхитить его гипотетические варианты и вероятные последствия.
2. Данные кластеры расширяют представление о возможных видах насилия, в том числе психологического насилия. Психологическое насилие разделяется на подвиды (интенсивное ситуативное, интенсивное регулярное и низкоинтенсивное регулярное или “гибридное”), исходя из интенсивности воздействия и продолжительности – дифференцируясь по тактике, стратегии и потенциальным эффектам.
3. В рамках данной модели насилие также может быть рассмотрено в динамическом аспекте, т.е. как модель потенциального развития насильственного взаимодействия - расширения десубъективированности объекта насилия тактик десубъективации.
4. Графически отображена идея влияния истории предыдущих насильственных воздействий на развитие субъективной уязвимости к ним, расхождение объективно наблюдаемой интенсивности воздействия и его субъективной интенсивности.

Список литературы

1. Агеев, Н. В., & Усова, В. В. (2019). К вопросу о физическом и психическом насилии как способе совершения преступления. *ЭПОМЕН*, (28), 10–15.

2. Андрианова, Р. А., Шемшурин, А. А., Чернов, В. А., & Селиванова, Е. И. (2021). Проблемы и ресурсы комплексной профилактики агрессивного поведения в образовательной организации. *Психолого-педагогические исследования*, 13(4), 107–125. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130407>
3. Аптикиева, Л. Р. (2020). Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий. *Вестник ОГУ*, (224), 6–13.
4. Бири, П. (2018). *Жизненный выбор. О многообразии человеческого достоинства* (перевод с нем. Д. В. Сильверстова). Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха. 504 с.
5. Борисов, С. Н., Волкова, О. А., Бессчетнов, О. В., & Доля, Р. Ю. (2020). Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 28(1), 68–73. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73>
6. Бубнова, И. С. (2016). Изучение Я-концепции подростков - жертв насилия в рамках судебно-психологической экспертизы. *Глаголь правосудия*, (1), 56–61.
7. Бузина, А. А. (2020). Оскорбление как высокотравматичная для личности ситуация. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 26(2), 63–67. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-63-67>
8. Волкова, Е. Н., & Исаева, О. М. (2015). *Ребенок и насилие: диагностика, предотвращение и профилактика* (монография). Нижний Новгород. 290 с.
9. Дмитренко, А. П., Подгайный, А. М., & Супатаева, Ж. Э. (2019). Психологическое насилие в уголовном праве: проблемы определения понятия, форм и пределов наказуемости. *Право и практика*, (4), 88–101.
10. Егоров, А. Ю., & Фрейдман, О. Г. (2003). *Психологическое насилие и развитие личности*. Санкт-Петербург. 68 с.
11. Земляных, М. В., & Изотова, М. Х. (2019). Система отношений к себе, значимым людям и миру у подростков, подвергающихся жестокому обращению в семье. *Педиатр*, 10(5), 85–90.

12. Игнатов, А. Н. (2016). О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении. *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*, (4), 59–65.
13. Кампер, Д. (2010). *Тело. Насилие. Боль: сб. ст.* (перевод с нем.; сост. и общ. ред. В. В. Савчука). Санкт-Петербург: Издательство РХГА. 174 с.
14. Круковский, В. Е., & Мосечкин, И. Н. (2017). Нефизическое насилие в уголовном праве: понятие и признаки. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, (3), 89–104.
15. Садыков, Р. М., & Большакова, Н. Л. (2022). Насилие в семье: сущность и виды. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 7(2), 81–84. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-7-2-81-84>
16. Стахнева, Л. А. (2010). Понимание субъекта и субъектности в современной психологии. *Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, (1), 345–349.
17. Фирсова, Е. В. (2015). Жестокое обращение с детьми: проблемы терминологии и классификации. *Гуманитарные научные исследования*. [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2015/02/9840> (дата обращения: 13.09.2023).
18. Хаидов, С. К. (2020). Эмоциональное и психологическое насилие в семье над мужчинами. *Мир науки. Педагогика и психология*, 8(6). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/78PSMN620.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).
19. Чеверикаина, Е. А., & Фатина, М. Л. (2017). Психологическое манипулирование, психологическое насилие, психотерроризм в образовательной среде: к вопросу об определении понятий. *Матрица научного познания*, (1–2), 89–99.
20. Чулошников, А. И. (2023). Психологическое насилие сквозь призму деятельностного подхода. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, (1), 84–97. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>
21. Ali, P. A., Dhingra, K., & McGarry, J. (2016). A literature review of intimate partner violence and its classifications. *Aggression and Violent Behavior*, 31, 16–25. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2016.06.008>

22. Burelomova, A. S., Gulina, M. A., & Tikhomandritskaya, O. A. (2018). Intimate partner violence: an overview of the existing theories, conceptual frameworks, and definitions. *Psychology in Russia*, 3, 128–144.
23. Cui, N., & Liu, J. (2020). Physical abuse, emotional abuse, and neglect and childhood behavior problems: A meta-analysis of studies in mainland China. *Trauma Violence Abuse*, 21(1), 206–224. <https://doi.org/10.1177/1524838018757750>
24. Gultuntg, J. (1991). *Selected works*. New York — London, p. 95.
25. Heise, L., Pallitto, C., García-Moreno, C., & Clark, C. J. (2019). Measuring psychological abuse by intimate partners: Constructing a cross-cultural indicator for the Sustainable Development Goals. *SSM Population Health*, 9, 100377. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2019.100377>
26. Jones, S., Davidson, W. S., Bogat, G. A., Levendosky, A., & von Eye, A. (2005). Validation of the Subtle and Overt Psychological Abuse Scale: An Examination of Construct Validity. *Violence and Victims*, 20(4), 407–416.
27. Mikołajczuk, K. (2020). Different forms of violence – selected issues. *Review of European and Comparative Law*, 43(4), 103–118. <https://doi.org/10.31743/recl.10035>
28. Porrúa-García, C., Rodríguez-Carballeira, Á., Escartín, J., Gómez-Benito, J., Almendros, C., & Martín-Peña, J. (2016). Development and validation of the scale of psychological abuse in intimate partner violence (EAPA-P). *Psicothema*, 28(2), 214–221. <https://doi.org/10.7334/psicothema2015.197>
29. Sikström, S., Dahl, M., Lettmann, H., Alexandersson, A., Schwörer, E., Stille, L., Kjell, O., Innes-Ker, Å, & Ngaosuvan, L. (2021). What you say and what I hear – Investigating differences in the perception of the severity of psychological and physical violence in intimate partner relationships. *PLoS ONE*, 16(8):e0255785. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0255785>
30. Tomison, A. M., & Tucci, J. (1997). *Emotional Abuse: The Hidden Form of Maltreatment*. Issues in Child Abuse Prevention Number 8, Spring. 16 p.

References

1. Ageev, N. V., & Usova, V. V. (2019). On the issue of physical and psychological violence as a method of committing a crime. *EPOMEN*, (28), 10–15.

2. Andrianova, R. A., Shemschurin, A. A., Chernov, V. A., & Selivanova, E. I. (2021). Problems and resources of comprehensive prevention of aggressive behavior in educational institutions. *Psychological and Pedagogical Research*, 13(4), 107–125. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130407>
3. Aptikeiva, L. R. (2020). Consequences of psychological violence for different age categories. *Bulletin of Orel State University*, (224), 6–13.
4. Bir, P. (2018). *Choice of Life. On the Diversity of Human Dignity* (translated by D. V. Silverstov). St. Petersburg: Ivan Limbach Publisher. 504 p.
5. Borisov, S. N., Volkova, O. A., Beschetnov, O. V., & Dolya, R. Yu. (2020). Family violence as a factor affecting social and mental health. *Problems of Social Hygiene, Health Care and Medical History*, 28(1), 68–73. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73>
6. Bubnova, I. S. (2016). Self-concept study of adolescent victims of violence within forensic psychological examination. *Glagol Pravosudiya*, (1), 56–61.
7. Бузина, А. А. (2020). Insult as a highly traumatic situation for a person. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy, Psychology, Sociokinetics*, 26(2), 63–67. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-63-67>
8. Volkova, E. N., & Isaeva, O. M. (2015). *Child and Violence: Diagnosis, Prevention, and Prevention* (monograph). Nizhny Novgorod. 290 p.
9. Dmitrenko, A. P., Podgayny, A. M., & Supataeva, Zh. E. (2019). Psychological violence in criminal law: Problems of defining the concept, forms, and limits of punishability. *Law and Practice*, (4), 88–101.
10. Egorov, A. Yu., & Freydmann, O. G. (2003). *Psychological Violence and Personality Development*. St. Petersburg. 68 p.
11. Zemlyanykh, M. V., & Izotova, M. Kh. (2019). System of relationships with oneself, important people, and the world among adolescents exposed to harsh treatment in the family. *Pediatric*, 10(5), 85–90.
12. Ignatov, A. N. (2016). On violence, its forms, and their reflection in criminal law. *Bulletin of Far Eastern Law Institute of the Interior Ministry of Russia*, (4), 59–65.
13. Camp, D. (2010). *Body. Violence. Pain: Collected Essays* (translated and edited by V. V. Savchuk). St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Press. 174 p.

14. Krunkovsky, V. E., & Mosetchkin, I. N. (2017). Nonphysical violence in criminal law: Concept and signs. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, (3), 89–104.
15. Sadykov, R. M., & Bolshakova, N. L. (2022). *Family Violence: Essence and Types*. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 7(2), 81–84. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-7-2-81-84>
16. Stahneva, L. A. (2010). Understanding of the Subject and Subjectivity in Contemporary Psychology. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, (1), 345–349.
17. Firsova, E. V. (2015). *Child Abuse: Problems of Terminology and Classification*. Humanitarian Scientific Research. [online]. Available at: <https://human.snauka.ru/2015/02/9840> (Accessed: 13 Sep 2023).
18. Haidov, S. K. (2020). Emotional and Psychological Violence Against Men in Families. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 8(6). [online]. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/78PSMN620.pdf> (Accessed: 15 Jan 2024).
19. Cheverikina, E. A., & Fatina, M. L. (2017). Psychological Manipulation, Psychological Violence, and Psychoterrorism in Educational Settings: On the Question of Defining Concepts. *Matrix of Scientific Awareness*, (1–2), 89–99.
20. Chuloshnikov, A. I. (2023). Psychological Violence Through the Lens of Activity Theory. *Bulletin of Perm University. Philosophy, Psychology, Sociology*, (1), 84–97. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>
21. Ali, P. A., Dhingra, K., & McGarry, J. (2016). A literature review of intimate partner violence and its classifications. *Aggression and Violent Behavior*, 31, 16–25. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2016.06.008>
22. Burelomova, A. S., Gulina, M. A., & Tikhomandritskaya, O. A. (2018). Intimate Partner Violence: An Overview of Existing Theories, Conceptual Frameworks, and Definitions. *Psychology in Russia*, 3, 128–144.
23. Cui, N., & Liu, J. (2020). Physical Abuse, Emotional Abuse, and Neglect and Childhood Behavior Problems: A Meta-Analysis of Studies in Mainland China. *Trauma, Violence, & Abuse*, 21(1), 206–224. <https://doi.org/10.1177/1524838018757750>
24. Gultung, J. (1991). *Selected Works*. New York — London, p. 95.
25. Heise, L., Pallitto, C., Garcia-Moreno, C., & Clark, C. J. (2019). Measuring Psychological Abuse by Intimate Partners: Constructing a Cross-Cul-

- tural Indicator for the Sustainable Development Goals. *SSM Population Health*, 9, 100377. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2019.100377>
26. Jones, S., Davidson, W. S., Bogat, G. A., Levendosky, A., & Von Eye, A. (2005). Validation of the Subtle and Overt Psychological Abuse Scale: An Examination of Construct Validity. *Violence and Victims*, 20(4), 407–416.
27. Miękowski, K. (2020). Different Forms of Violence – Selected Issues. *Review of European and Comparative Law*, 43(4), 103–118. <https://doi.org/10.31743/recl.10035>
28. Porrua-Garcia, C., Rodriguez-Carballeira, A., Escartin, J., Gomez-Benito, J., Almendros, C., & Martin-Pena, J. (2016). Development and Validation of the Scale of Psychological Abuse in Intimate Partner Violence (EAPA-P). *Psicothema*, 28(2), 214–221. <https://doi.org/10.7334/psicothema2015.197>
29. Sikstrom, S., Dahl, M., Lettmann, H., Alexandersson, A., Schworer, E., Stille, L., Kjell, O., Innes-Ker, A., & Ngaosuvan, L. (2021). What You Say and What I Hear – Investigating Differences in the Perception of Severity of Psychological and Physical Violence in Intimate Partner Relationships. *PLoS ONE*, 16(8):e0255785. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0255785>
30. Tomison, A. M., & Tucci, J. (1997). *Emotional Abuse: The Hidden Form of Maltreatment*. Issues in Child Abuse Prevention, Number 8, Spring. 16 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Чулошников Алексей Игоревич, независимый исследователь

sintekatzy@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alexey I. Chuloshnikov, independent researcher

sintekatzy@rambler.ru

SPIN-code: 2319-5155

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1891-4305>

ResearcherID: HNK-7434-2023

Поступила 27.12.2024

После рецензирования 20.01.2025

Принята 27.01.2025

Received 27.12.2024

Revised 20.01.2025

Accepted 27.01.2025